

Женский портрет на фоне Венеции

Евгения Навойчик

Евгения Юрьевна Навойчик

Женский портрет на фоне Венеции

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8650240

Автопортрет в городском пейзаже / Евгения Навойчик: Амфора; Омск;

2014

ISBN 978-5-906706-14-0

Аннотация

Литературное путешествие, в котором автор пролагает маршруты не только по реальному Городу – Венеции, но и параллельно осваивает пространство собственного Мира. Это опыт интерпретации художественных текстов, в первую очередь архитектуры и живописи, где непосредственное впечатление позволяет автору органично включить их описание в Его границы. Книга представляет собой калейдоскоп коротких рассказов, каждый из которых может рассматриваться отдельно, но только в общем контексте составляет целостную картину. Некоторые рассказы – обработка дневниковых записей, многие создавались непосредственно в Венеции, поэтому сохраняют его неповторимый дух: люди, улицы, дома показаны такими, как их увидел автор и сохранил в своем сердце.

Содержание

Глава 1	4
«Город диктует форму»	4
Санта Мария Формоза	8
Каналы	12
Маски	16
Львы	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Евгения Навойчик

Женский портрет на фоне Венеции

*Моей любимой семье.
Всем-всем и особенно
папе и маме – за любовь
к искусству и жизни*

Глава 1

«Город диктует форму»

*...семя свободы в злом чертополохе,
в любом пейзаже даст из удумливой эпохи
побег.*

И. А. Бродский

Светило солнце, лодки покачивались на воде, переваливаясь с боку на бок, пронзительный сирокко не оставлял солнцу ни одного шанса согреть моё замерзшее тело. Двигаясь с самого утра в ритме бесконечно убегающих улиц, теряясь и

находясь в уже хорошо знакомом городском пейзаже, я достигала так давно и, казалось, необратимо потерянного покоя. И опять, уже не в первый раз, этот город представился мне огромной декорацией к моей жизни. Или наоборот, это лишь я – песчинка, фантом, тень или отблеск на его улицах и площадях.

Венеция – это единственный город, вне которого ощущаешь его абсолютную зыбкость. Город – мираж, сновидение – на дистанции. В реальности он оживает, наполняется запахом каналов, пестротой и блеском палаццо, стуком каблучков по каменным улочкам и проулкам, звоном колоколов. Тук-тук – звук каблучков гулко раздаётся, отталкиваясь от стен, и как-то успокаивающе действует на меня. Ритм шагов, ритм сердца, ритм жизни. Нигде столько не хожу с удовольствием, нигде ходьба так не вознаграждает: после череды незнакомых улочек вдруг попадаешь в место, где, как чувствуешь в тот же миг, просто мечтал оказаться – а таких уже немало здесь, в городе, где так хорошо грустить. Даже не грустить – «грусть» не совсем точное слово. Скорее испытывать уединение.

А еще Венеция прекрасный воспитатель: нелюбимые ею качества, в борьбе с которыми она почти всегда победитель, – тщеславие и чувство собственной значимости. «Я в Венеции» – в этой мысли, как видите, Городу отводится весьма скромное место. Ты разыгрываешь спектакль в блестящих декорациях, их блеск бросает свет и на тебя. Иногда

ты нравишься себе или, напротив, кажешься неуклюжим и бесцветным, но это всё – Город, его магия делать объектом оценки и внимания всё, что пребывает в его границах. Но ты – это только ты, и со временем, возвращаясь в Город снова и снова, ты об этом уже не забываешь.

Постепенно начинает формироваться «твой» Город. Он складывается, впитывая в себя оттенки твоей жизни: любви, заботы, разочарований, горечи и надежды. Так, музыка не предлагает нам определённых зрительных образов, но наполняет собой весь мир. Наш Мир. Благодаря ей он меняет свои границы, вмещает в себя многое, включает тебя во что-то большее, чем ты сам. Так и этот Город подобен музыке, заполняет собой всё наше существо и потом исподволь, постепенно становится тобой.

И вот я вновь здесь. Мой Мир передо мной. Я вглядываюсь в его черты, ибо он – это я. То, что безуспешно искала в тысяче отражений – глазах, знаках судьбы, – здесь, в Городе. Я вступаю в его пространство, и время замедляет свой ход. Здесь, в границах этого города, для меня – другое измерение.

Иногда я ищу подсказки к топографии этого места у моих любимых «венетянцев» – Муратова, Рёскина, Бродского. Каждый из них знал свой Город. У каждого был свой особый способ его «прочтения». Глаз Рёскина останавливается на каждой детали, отмечает любой незначительный фрагмент, если он приводит к целому – гармонично декорированной капители, благородно вырезанному фасаду. Но за ка-

жущимися сухими, педантичными описаниями памятников в его книгах скрывается – а часто и прорывается наружу – поэзия.

Муратов щедро делится своими ощущениями, импрессионистичен. Только что его вниманием владел карнавал XVIII столетия, и вот уже совершенно другое настроение: мы переносимся в полный тонких переживаний духовный мир полотен Беллини.

«Камни Венеции», «Образы Италии», «Набережная Неисцелимых» – три вехи моего литературного знакомства с Городом, правда, в обратном порядке. Последняя по времени появления и первая для меня и сейчас продолжает направлять и предостерегать одновременно.

Солнце вдруг скрывается, вернее, прячется за карнизамии тесно прижавшихся друг к другу домов, я отвлекаюсь от мыслей о Городе и поднимаю взгляд. Здесь так тесно, что идущий навстречу прохожий уступает мне дорогу. Передо мною улица – каменный туннель, извивается и заворачивает куда-то в сторону. Здесь бок о бок стоят очень древние соседи-дома, по поясу которых проходят старые, почти черные от ветхости деревянные балки. Немного неуютно: сейчас на этой улице я одна, сердце стучит в такт моим шагам. Но вот уже впереди показался просвет, и я делаю шаг на ярко освещенную площадь – *кампо*¹.

Санта Мария Формоза

Вот что прячут внутри, историю задержив...

И. А. Бродский

Наверное, наступило время поделиться с вами моим замыслом. Я действительно хочу написать автопортрет, так как чувствую: этот Город – идеальное пространство для него. Он не фон и не объект – скорее негатив, фотоплёнка, вглядываясь в которую, постепенно замечаешь знакомые черты. Я наполняю Его пространство воспоминаниями прошлой жизни, ищу в Его очертаниях намёк на будущее.

Где же здесь я? Многие важные части моего Мира уже заняли своё место и в моём сознании соотнесены с определёнными местами Города. Но где же я? Я – везде и нигде, но раз так, начнём отсюда.

Почему Формоза? Однажды, довольно давно, я, самодовольно полагающая себя большим знатоком архитектурных стилей, весьма прохладно отнеслась к этой церкви при первом знакомстве. Она мне показалась тогда довольно нелепой. Горделивый портик обрамляли стройные колонны, но как-то одиноко, неприкаянно среди полупустого гладкого фасада выглядел портал северной части, обращенный к центральной части кампо. При более внимательном знакомстве

бросалось в глаза отсутствие единства всех частей: особенно выделялись барочные, более поздние добавления. Внутри, бегло пробежав глазами по приделам справа и слева от алтаря, я не выделила для себя ничего примечательного: интерьер был парадным и холодным. Но, несмотря на всё это, уже тогда, в одно из первых посещений Города, я запомнила её, может быть, потому что спутником моим в тот раз был сын-студент. Внешне не проявляя ни к чему особого внимания, в бейсболке, сдвинутой на затылок, и запыхлённых кедах, он, тем не менее, терпеливо сопровождал меня. Помнится, в ответ на мои скептические замечания по поводу облика церкви Санта Формоза² он говорил что-то в её защиту.

В те дни, когда я только открывала для себя Город, мне он представлялся закрытым, хранящим свои тайны от чужих, намеренно, для отвода глаз выставляющим свой парадный фасад-приманку, ослепляя им, не давая проникнуть в глубину. То мне казалось – вот он, Город, как на ладони, – понятен и ясен, то я приходила в отчаяние от осознания невозможности понять его за такой малый срок. Помню, вернувшись, домой, я довольно долго не осознавала этого, просто испытывала какую-то непонятную тоску, связанную с этим местом. Потом написала вдруг: «У Лагуны цвет небесный»³. В строчках: «не отдаст их город даром, будет привлекать фасадом, путать в улицах известных и скрывать от всех неместных то, что в нем заключено» я пыталась отразить желание познать тайны, которые скрываются за парадными видами,

внешним блеском. Сейчас я понимаю, что смотрела и не видела, проходила не раз, не останавливаясь, мимо того, на что сейчас смотрю широко распахнутыми глазами. Этот Город ценит верность и постоянство: шаг за шагом он открывает потаенные места, позволяет проникнуть за свои парадные кулисы, как в зазеркалье.

И вот я смотрю на Санта Формоза вновь. Я уже давно «увидела» её, и всё, что мне в первый раз казалось недостатками, со временем сложилось в довольно гармоничный ансамбль. Особенно мне нравится восточная часть с выпуклыми бело-розовыми апсидами из отшлифованного камня, нравится её колокольня, немного одинокая по отношению ко всему ансамблю. Внутри я ощущаю дух этого места: это любовь и забота. Сегодня я обращаю внимание на то, как много прихожан посещают её. Да, она не в эпицентре туристических маршрутов, в неё заглядывают по дороге к скуоле Сан Марко, например, или, как и я когда-то, к Фундамента Нуове⁴. Тем не менее, в своём роде она неповторима, несколько поколений прихожан с любовью достраивали её, и только этим объясняется такая несогласованность в некоторых ее чертах. Есть у меня там и любимое изображение Мадонны, справа от алтаря, – триптих в мраморных нишах с удивительно чистыми, почти иконописными в своей монохромности красками, кисти очень заметного здесь, в Городе, художника Бартоломео Виварини.

Кроме того, сама площадь с одноименным названием –

соразмерная, радостная, светлая. Её каре составляют ренессансные дворцы с интересной судьбой и историей. Но туристы в основном идут мимо: к Заниполо⁵ на север, к Сан Марко – на юг.

Каналы

*Так выходят из вод, ошеломляя гладью
кожи бугристый берег, с цветком в руке.*

И. А. Бродский

Об этом Городе часто говорят как о городе любви. У меня же он больше ассоциируется с местом ее ожидания: узкие улочки, ведущие в никуда, зазывно манящая, но почти всегда разочаровывающая Пьяцца⁶, чувственный блеск и мишура витрин. Больше всего на языке томления и печали говорят его каналы: зажатые в теле Города, медленно текущие, живущие своей невидимой подводной жизнью. Идти вдоль них невозможно, как нельзя быть около любви. Она пересекает тебя насквозь, ломает, подчиняет своему ритму. И краткий миг пребывания в ней – изящный мост над вечностью, неведомой глубиной. Тем не менее мимолетность этих мгновений остаётся с тобой навсегда. Сколько еще их, ярких, как вспышка, мне суждено пережить?

Мой телефон внезапно нарушает тишину. От неожиданности я не сразу понимаю, откуда звук. Только что, пересекая мост через канал в районе Дорсодуро, я, кажется, выпала из реальности. Но она напомнила о себе телефонным звонком, а ещё о том конкретном воплощении сбывшейся люб-

ви, чей призыв за четыре тысячи километров отсюда оторвал меня от моих мыслей. Оглядевшись, я обнаружила себя стоящей возле галереи Академии. Я вышла к Большому каналу.

Рядом с загадочными, манящими, полными сюрпризов малыми каналами Города пребывает Гранд Канал⁷. Всё здесь, кажется, знакомо, только почему-то каждый раз захватывает дух. Многие дворцы Большого канала живут своей, полной тайн жизнью, и у нас нет ни малейшего шанса о ней узнать. Я имею в виду пока еще обитаемые палаццо, а не музеи, жизнь в которых замерла. Меня разочаровал холодный музейный интерьер в Ка д'Оро⁸, галерее Франкетти. Признаюсь, глядя на резной фасад Золотого дома, представляла себе не менее причудливый интерьер. Увы, – обычный музей с шедеврами Тициана и Тинторетто, жемчужиной Франкетти – *Сан Себастьяном* Мантеньи. Но рассматривать картины даже в прекрасно оборудованных залах здесь совсем не так интересно, когда рядом церкви вроде Сан Себастьяне в Дорсодуро.

В ней совсем не аскетичный дух, напротив: все радует глаз, будоражит воображение, а зеленый цвет и позолота в отделке даже немного ослепляют. Но все это богатство и блеск только обрамляют, как кулисы в театре, истинную ценность храма – живопись Веронезе. Его динамичные, живые образы – просто энциклопедия венецианской жизни XVI века, так много деталей в одежде и облике зданий мы можем здесь различить. Вместе с тем своей легкостью, чистотой

цвета, энергией и напряженностью рисунка они соответствуют идее и тематике, где жизнь и мученичество Святого Себастьяна занимают центральное место. Кисти Веронезе здесь принадлежит вся живопись на стенах и потолке и даже на створках органа. Этот художник, несмотря на то, что приехал в Город в зрелом возрасте, считается типично венецианским. В его работах любовь к жизни, её дарам, радость бытия передаются легко и свободно, почти с чувственным наслаждением каждым миготом. Не устаю удивляться тому, что все самое удивительное и интересное здесь, в Городе, находится часто в таких простых и неприметных с виду зданиях. Церковь спрятана в переулках Города и стоит возле одного из каналов – несколько шагов отделяет портал входа от моста и воды. Находить в походах по Городу вот такие жемчужины – а в данном случае эпоха барокко⁹ позволяет буквально определить Сан Себастьяне так, сродни азарту собирателя древностей, получившему в свою коллекцию новый экземпляр. Но я не оставляю надежду побывать внутри старинных палаццо, еще хранящих дух расцвета Серениссимы¹⁰.

С гигантского постера на углу здания Академии, сквозь строительные леса, внезапно ловлю нежный взор. Этот взгляд женщины, пребывающей во всей полноте своей материнской любви. Она кормит ребенка, взгляд наполнен нежностью и радостью, и кажется, что все вокруг озаряется особым светом, будто гроза здесь не только природное явление, но символ потрясения и триумфа женщины, осознавшей в

это мгновение свое место в мире. Это фрагмент «Грозы» Джорджоне¹¹. Она – одна из моих любимых картин венецианской школы, давно знакома с ней. Первый раз, увидев оригинал, была удивлена размерами полотна – очень небольшое, почти миниатюрное – но мощная энергия цвета и света привлекает все внимание только к нему. Насыщенная изумрудно-золотая гамма очаровывает и интригует одновременно – множество ее оттенков переливается и искрится, возникает ощущение, что рама открывает нам небольшое окно в удивительный мир. Молния пронизывает пространство картины насквозь, освещает здания на заднем плане, отражается в водах канала, отделяющего юношу, неподвижно стоящего поодаль, с легким поворотом головы, от обнаженной девушки, кормящей матери. Здесь нет логики, но очень глубокий смысл. Это ли не истинный символ любви?

Маски

Совершенный никто, человек в плаще.

И. А. Бродский

Зачем я здесь? В очередной раз задаю себе этот вопрос. Какой смысл в том, что я вновь и вновь возвращаюсь к знакомым зданиям, даже в том, что узнаю новое, я не вижу теперь смысла. Это ничего не изменяет во мне, никак не отражается на моей жизни. В этом городе масок, где маска стала символом, я пытаюсь спрятаться за множеством ликов, потеряться, раствориться, в какой-то степени уйти из мира и одновременно слиться с ним. Всё в этом месте позволяет тебе стать незначительным, не собой и примерить по желанию любую маску: знаток искусства, поэт, гурман, гедонист, верующий и безбожник. Здесь всё зыбко, всё неустойчиво. Каждый примеренный к себе образ, состояние, длется недолго.

Однажды я за один день в Городе пережила падение от утреннего образа ценителя искусств к ночному образу беся, ненавидящего всё и вся. Город или жестоко сорвал с меня маску, или просто посмеялся над моей уверенностью в себе. Бесплезно объяснять свидетелю моего превращения, что виновата не я, кто поверит в это?

Город так привык к толпе, потокам людей, движению мас-

сы, что стремление надеть на своих гостей маски естественно. Так, по крайней мере, можно сделать нас чуть непохожими друг на друга.

А еще маски нужны мне, чтобы скрывать за ними свои слабости, страхи, неуверенность и стеснение. Стесняюсь говорить по-английски плохо, стесняюсь ошибиться в заказе в ресторане, или в кассе, очень стесняюсь в отеле обратиться с какой-нибудь просьбой и часто так и не решаюсь спросить о самом простом. Чтобы свести общение к минимуму, стараюсь покупать билеты онлайн. А в Городе притворяюсь независимым, погружённым в себя Ценителем искусства. Интересно, изменилось ли бы моё чувство Города, если бы я смогла свободно общаться с его обитателями?

И все-таки какую маску предпочту я сегодня? Задерживаюсь у окна-витрины, здесь всё как на ладони, стол завален разноцветной материей, женщина за ним держит в руках заготовку. Мастерица за работой: сосредоточенно расписывает маску, кажется, типичную здесь. Колпак, бубенцы, домино – и вот персонаж Гольдони передо мной. Мне близок этот образ, большую часть жизни я играю эту роль. Иногда в качестве девиза хочется повторить вслед за Буратино: «Я создан на радость людям». Много лет думаю и не пойму до сих пор: жизнь это или игра – то, что я делаю. А может, игра со временем стала жизнью? Множество ролей, множество ликов – где же собственно я? Последнее время всё больше понимаю: я – новое, относительно конечно, в каждом момен-

те жизни. Бесплезно выстраивать ретроспективу из детства, нанизывая разноцветные «я» на ось времени, как при сборе пирамидки: она развалится. Жизнь – нелинейная, а я не конструктор. Популярна цитата из «ФорестаГампа», где на вопрос, кем он хочет быть, когда вырастет, Форест просто-душно отвечает вопросом: а разве он не будет собой? Вообще-то он прав: не терять себя – значит помнить, кто ты. Но всё-таки, вырастая, мы становимся другими. Каждое утро, глядя в зеркало, я вижу незнакомку, каждый вечер, ложась в постель, я не знаю, какой буду завтра. Но это в глубине души. Люди же видят маску уверенности, энергии, бодрости: всего того, что ожидают получить от меня.

Но однажды здесь наступает момент, когда за множеством ликов Города, вместе с пеленой тумана, что так часто окутывает его по утрам зимой, проступает уже ясное и все более уловимое единство. Все значительное и неброское, подчиняясь странному порядку, вдруг обретает общий смысл. Тогда ты уже не нуждаешься в маске, так будто понимаешь: раньше она была необходима потому, что ты не имел своего лица. Скрываясь за разными личинами, ты имитировал жизнь, разыгрывая ее, как пьесу. В этот момент вдруг становится неважным, как ты будешь выглядеть со стороны, но именно тогда появляется страстное желание ощутить связь с людьми. Ты будто просыпаешься от долгого сна, стряхиваешь с себя оцепенение самосозерцания и направляешь в мир взгляд, готовый удивляться и радоваться.

Львы

...взгляни наверх, увидишь улыбку льва...

И. А. Бродский

Пройдя под арку музея Коррер, вышла на небольшую, но ослепляющую богатством своих магазинов улицу. Роскошные бутики, дорогие бренды, манекены в витринах демонстрируют подлинный шик: шляпы, перчатки, платки – всё здесь высочайшего качества, по астрономической цене. На всё я смотрю почти как на картины в музее – красиво, но совершенно недоступно. Пытаюсь представить, что испытывает женщина, которая с лёгкостью покупает себе эту одежду. И даже не это главное – она с лёгкостью носит её! Вот отличие этих вещей от музейных экспонатов. Те – доступны всем и никому не принадлежат в отдельности. Здесь, на этой улице, мне неловко, будто забралась в чужой дом и примеряю чужое платье. Праздно смотрю на витрины, будто что-то из этого смогу купить...

Но вот в витрине большой пластмассовый лев в рождественском колпаке никак не вяжется с роскошью остальных вещей и как-то примиряет меня с ними. Да здравствует свобода от необходимости быть модным! Гордо вскинем голову, благо астрономически лев – мой знак.

Этот знак в Городе повсюду. Родственные мне собратья во множестве взирают с карнизов зданий, украшают балконы палат, выступают основным элементом рельефов и просто сидят и стоят в качестве самостоятельных памятников. Гордость, надменность в одних, благородство и щедрость – в других: лев-заступник, поверженный лев, лев-сфинкс и много-много других воплощений. Но больше всего ученых львов, то есть совершенно очеловеченных. Всем своим видом они демонстрируют мудрость. И уж если кому по выражению глаз непонятно, что лев учёный, для усиления эффекта держит раскрытую и зажатую в передних лапах книгу. Это символ Марка Евангелиста – «знающий грамоте лев крылатый». Удивительно, что во времена войн, эпидемий и прочих потрясений жители Города выбрали в качестве символа такую интеллигентную интерпретацию льва, а в качестве девиза – ключевое слово «Мир». «Мир тебе, Марк, евангелист мой». У этой фразы множество значений. Это и приветствие, обещающее гарантию спокойного завершения земных дел, и жест, почти передача полномочий: «Теперь тебе забота о них», и масштабы, почти безграничные, вручаемого дара – или всё-таки ноши? Но главный смысл, наверное, раскрывается только в полном контексте. Евангелист – свидетель чуда, один из призванных к созданию нового Мира. Город воспринял это напутствие и создал мир искусства, литературы, театра, музыки и архитектуры, объединенный идеей дерзновенного созидания.

Иногда эта идея меркла и слегка терялась за пышностью фасадов, роскошью отделки и позолотой рам, но размах строительства, энергия новых смелых проектов возвращали ее вновь. Дух Просвещения, а иногда просто Эдема искусства не терялся здесь никогда. Для меня полное и совершенное воплощение этой идеи – в «Рае» Тинторетто: в размер боковой стены второго яруса Дворца Дожей, написанное в экспрессивной, почти авангардной манере, это полотно наполнено энергией, страстью, красотой, мощью и величием. Попросите меня рассказать точнее, что изобразил художник, и я не смогу этого сделать. Но я уверена – это воплощение идеи Города, каким он мнится, прообраз Града Небесного, но не библейского Рая, населенного праведниками, а скорее теми, о ком Данте писал: «Что, чем природа совершенней в сущем, тем слаще нега в нем, а боль больней».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.